

Украинская военно-медицинская академия
Восточно-европейская академия психотерапии
им. Принца А.П. Ольденбургского. Военный факультет

О.Г. СЫРОПЯТОВ

**МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
СОПРОВОЖДЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ
ОПЕРАЦИЙ**

(Учебно-методическое пособие)

Олег Сыропятов

**Медико-психологическое
сопровождение
специальных операций**

«Автор»

2013

Сыропятов О. Г.

Медико-психологическое сопровождение специальных операций /
О. Г. Сыропятов — «Автор», 2013

Медико-психологическое обеспечение спецопераций рассматривается в соответствии с международным опытом локальных войн и использованием ограниченного воинского контингента в миротворческих целях. Пособие предназначено для слушателей военно-медицинской академии, военных врачей и военных психологов.

© Сыропятов О. Г., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Введение. Отличительные признаки подразделений специального назначения и психология войны	6
§ 1. Специфика деятельности подразделений специального назначения	6
§ 2. Психология войны	9
§ 3. Характеристика психо-эргономических условий действий войск в локальных военных конфликтах	14
§ 4. Медико-психологическое обеспечение деятельности военной разведки	17
Рекомендованная литература	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Олег Геннадьевич Сыропятов
Медико-психологическое
сопровождение специальных операций

Украинская военно-медицинская академия

Восточно-европейская академия психотерапии им. Принца А. П. Ольденбургского.

Военный факультет

Рецензенты:

Румянцев Ю. В. – полковник м/с, доктор медицинских наук, профессор, начальник ВМИ
УВМА;

Оседло В. И. – полковник, кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры
Национального университета обороны Украины.

Введение. Отличительные признаки подразделений специального назначения и психология войны

*«Горько заплачут в будущем те государства, которые недооценивают значения тайной разведки в период мира!»
генерал-майор ГШ Русской императорской армии Н.С.Батюшин*

§ 1. Специфика деятельности подразделений специального назначения

Специфика деятельности подразделений специального назначения откладывает свой отпечаток на подразделения данной категории внутри министерства, ведомства, армии или флота, в зависимости от его ведомственной принадлежности. Деятельность каждого такого подразделения СпН закреплена отдельным нормативно-правовым актом. Особые функции требуют более специфического вооружения, оснащения, оборудования, транспорта, что сказывается на более высоком финансировании в отличие от других подразделений. Уровень боевой подготовки требует наличия усиленной учебной базы, отдельных учебных центров и особого медико-психологического сопровождения. Можно выделить следующие отличительные особенности подразделений спецназа:

- Профессиональный статус – как правило, в спецвойсках служат по контракту, заключаемому на срок не менее пяти лет, что объясняется высокой стоимостью обучения и подготовки военнотружущих спецназа[3].
- Высокий уровень моральной, психологической, идеологической, физической и боевой подготовки личного состава. Подразделения специального назначения, как правило, выполняют задачи в специфических условиях, что требует высокого уровня подготовки.
- Наличие специальных средств обороны и нападения. Подразделения спецназа имеют вооружение, оснащение и транспорт с узконаправленными характеристиками, более высокими, чем у тех, которые имеются в отраслевом ведомстве по штату. Это обусловлено, опять-таки, задачами, возложенными на подразделения специального назначения.
- Кроме того, подразделения специального назначения имеют средства узконаправленного действия (к примеру, специальные средства разведки, специальные штурмовые средства).
- С учётом того, что подготовка личного состава подразделений специального назначения имеет более высокие расходы, возникает необходимость более высокого обеспечения безопасности, что требует наличия более технологичных средств защиты, обеспечения жизнедеятельности и эвакуации.
- Способность выполнять задачи автономно в экстремальных условиях. Ввиду необходимости добывания разведданных о противнике, самым эффективным способом является заброска групп специального назначения в глубокий тыл противника, где расположены наиболее важные объекты инфраструктуры противника, а, следовательно, содержащие наиболее полную и ценную информацию об объекте или событии, интересующем командование регулярных частей. Так как транспортировка групп специального назначения непосредственно к интересующим их объектам невозможна, ввиду усиленной охраны наиболее важных стратегических объектов противника, находящихся в значительном удалении от линии фронта, группы специального назначения вынуждены преодолевать расстояние от своей территории до объектов пешком, передвигаясь вдали от населённых пунктов, дорог, и линий обороны. Как след-

ствие операция может длиться очень длительное время, что подразумевает доставку всей экипировки и снаряжения на себе, включая провизию.

- Большая автономность групп специального назначения и их навыки действия в экстремальных ситуациях необходимы им при проведении диверсий. Ввиду малочисленности групп специального назначения, они обязаны уметь сражаться с гораздо большей эффективностью, чем бойцы регулярных частей, так как бойцы спецназа в большинстве случаев не имеют возможности вызвать подкрепление или отойти к укрепленным позициям, ввиду отсутствия таковых в глубоком тылу противника. Также экстремальность условий выполнения ими заданий обусловлена повышением активности сил противника после проведения диверсий, а как следствие бойцы вынуждены искать средства и способы возвращения в свой тыл находясь в очень узких временных рамках.

Вместе с тем, следует отметить, что приведенные выше отличительные признаки являются весьма относительными, и построены, в большей степени, на стереотипах, сложившихся под воздействием популярной культуры и средств массовой информации.

Так, очевидным представляется наличие специфического вооружения, оснащения и учебной базы абсолютно в любом роде войск, службы и ином подразделении, и, как следствие, необходимость высокого финансирования таких подразделений, в зависимости от его предназначения и характера выполняемых задач, а не только в подразделениях специального назначения. Пример: военно-морские силы имеют специфическое вооружение, для действий на море, и, в силу своей высокой технологичности, требуют серьезного финансирования и учебно-материальной базы для длительной и тщательной подготовки личного состава.

Вопреки приведенному утверждению, что «как правило, в спецвойсках служат по контракту», достаточно привести примеры из практики советских, а затем и российских вооруженных сил, в которых части и подразделения специального назначения комплектовались по призыву, на общих основаниях. Такая же практика сохраняется в Китае, а также практически во всех армиях государств, в которых применяется воинская обязанность. Во многом это обусловлено **необходимостью подготовки мобилизационного резерва** для диверсионно-разведывательных подразделений на случай войны. В связи с этим, какого-либо общего «правила» для комплектования подразделений спецназа, не существует. Кроме того, не следует путать такие понятия как войска «специального назначения» и «специальные войска».

Высокий уровень моральной, психологической, идеологической, физической и боевой подготовки личного состава требуется для всех составных частей вооруженных сил и правоохранительных органов, поскольку каждое подразделение предназначено для действий в специфических для него условиях и без перечисленных факторов невозможно успешное выполнение поставленных задач.

В СССР термин «специального назначения» применялся еще в 1930-е годы. К моменту создания в 1950-м году диверсионно-разведывательных подразделений, в стране уже существовали Полк специального назначения (Кремлевский полк) и другие части, помимо частей особого назначения, имевшихся, в частности, в составе внутренних войск. Очевидно, понятие «специального назначения» изначально стало применяться в названиях частей и подразделений, предназначенных для выполнения определенных секретных задач, перечень которых существенно шире, чем специальная разведка.

В зависимости от ведомственной принадлежности, спецподразделения предназначены для решения следующих задач:

- Разведка, диверсионная деятельность.
- Контрразведка, антидиверсионная деятельность.
- Антитеррористическая деятельность.
- Поиск, захват (арест) или уничтожение действующих террористов.

- Освобождение заложников.
- Обеспечение общественной безопасности.
- Охрана особо важных лиц или особо важных объектов.

Индивидуальная и коллективная боевая деятельность бойцов спецподразделений имеет свои особенности, однако к наиболее общим её характеристикам относятся следующие:

- своеобразие целей и результатов (уничтожение живой силы противника, разрушение его укреплений, техники, захват территории и т. д.);
- особый характер объекта – активно противодействующий противник, его боевая техника;
- экстремальный характер условий, в которых она протекает (опасность, внезапность и т. д.);
- осуществление целей с помощью практического применения таких средств, как оружие и боевая техника;
- крайняя интенсивность функционирования психики, необычайно высокое напряжение всех сил, вплоть до гипермобилизации;
- возникновение перегрузок и задач, превосходящих индивидуальные и групповые возможности;
- необходимость сочетания высокого уровня сознательного самоуправления воинов и своевременного управляющего воздействия командира.

§ 2. Психология войны

В трудных ситуациях современного боя могут наступить некоторые нежелательные психологические изменения в деятельности:

- смещение или потеря цели;
- нарушение соотношения между главными и второстепенными действиями;
- утрата психической устойчивости, возникновение различных психических изменений, вплоть до психопатологических расстройств;
- колебание эффективности, понижение точности движений и действий, нарушение их последовательности;
- ослабление боевой активности, появление отказов, срывов в работе.

Доминирующее, положение в структуре боевой деятельности принадлежит целям. Воины строят свое поведение в бою в зависимости от содержания поставленной цели, т. е. представляемого результата своих предстоящих действий. Цели могут быть ближайшими и более отдаленными. Ближайшая цель боевой деятельности воинов может заключаться в точном исполнении своих обязанностей по отделению, расчету, экипажу, взводу, группе в маневре, на поле боя, в огневом ударе по противнику и т. д. Отдаленная цель боевой деятельности – разгром врага, достижение полной победы над ним. Наряду с целями, боевые действия характеризуются мотивами – теми силами, которые побуждают воина к активности в условиях войны: потребности, чувства, желания, стремления, интересы, идеалы, убеждения и т. д. В мотивах боевой деятельности воинов концентрированно выражается направленность их личности, отношение к поставленной задаче, коллективу, к боевой обстановке и войне в целом.

Следует отметить, что мотивы выполняют в деятельности не только побуждающую, но и регулирующую и смыслообразующую функции. Боевая деятельность осуществляется с помощью определенных способов и приемов. Применять оружие и боевую технику личному составу приходится в специфических условиях, связанных с войной как таковой, – в опасной, полной неожиданностей и сильных воздействий обстановке, против активно действующего противника. Поэтому боевая деятельность – это насыщенная эмоциями, чувствами и другими психическими явлениями сложная форма взаимодействия с боевой обстановкой, требующая необычайно быстрых и гибких решений и способов. Добиваясь осуществления целей в бою, воинам необходимо учитывать особенности боевой обстановки, ее вероятные изменения, творчески использовать знания, навыки, умения, находить наиболее оптимальные приемы действий.

В военной психологии утвердилось понимание того, что психологический анализ боевой деятельности предполагает выявление и оценку: а) внешних ее условий, объекта, средств и результатов, их влияния на действия и психику; б) ее внутренних условий, целей, мотивов и способов; в) возможностей управления и самоуправления деятельностью.

Как свидетельствует опыт двух мировых войн XX века, полномасштабные войны отличаются от локальных военных конфликтов. Полномасштабная война оказывает влияние на все стороны жизни общества, затрагивает интересы каждого гражданина. Это влияние вызывает определенную ответную реакцию, как у каждого конкретного человека, так и у общества в целом. Меняется вся духовная атмосфера общества, особые черты приобретает образ жизни населения. Происходит концентрация всех материальных и духовных сил государства для обеспечения нужд войны. Усиливается централизация власти, роль политической и правовой надстройки общества. Идеологический аппарат государства переключается полностью на обеспечение целей войны.

Локальные военные конфликты, как показывает изучение, характеризуются более сложным переплетением социальных и социально-психологических явлений. Они чаще всего возникают между сторонами, находящимися в неравном экономическом и военном отношении.

Одна из них, как правило, значительно сильнее другой, что позволяет ей надеяться на возможность достижения политических целей без вступления в полномасштабную войну (без перестройки экономики, режима социального функционирования и др.). Локальный военный конфликт не затрагивает большей части общества и не требует привлечения значительных сил и ресурсов. Если войны порождаются глубинными экономическими причинами или неразрешимыми политическими противоречиями, то в этиологии локальных военных конфликтов на первый план выступают частные факторы, связанные с территориальными, этническими, религиозными и иными противоречиями. Как показал опыт локальных конфликтов в Афганистане и Чечне, сторона, которая считает себя подвергшейся вооруженному посягательству, априори обладает рядом преимуществ в мотивационных составляющих противостояния. Эта мысль отчетливо звучит в Полевом уставе сухопутных войск США РМ 33-1 «Психологические операции». В нем подчеркивается, что причиной поражения американцев во Вьетнаме является недооценка «внутреннего фактора», пренебрежение кропотливой и настойчивой работой среди соотечественников. В результате мощной антивоенной кампании, развернутой в стране оппозиционными силами, сама цель войны, а вместе с ней и американская армия были полностью дискредитированы. Происходящие в обществе социально-психологические процессы, оказывают сильное влияние на психологию непосредственных участников локального военного конфликта. На наличие такой связи указывали военные психологи и практики еще на заре создания военно-психологической науки. В 1892 г. русский исследователь М.В. Зенченко, исследуя «нравственные силы» бойца, сделал три вывода: 1) личность воина производна от общественных условий; 2) армия есть верная копия государства, миниатюра, зеркало его со всеми достоинствами и недостатками; 3) для мощи войск необходимы симпатии всего населения; 4) никакой энтузиазм в армии невозможен, когда не будет его в Отечестве. Таким образом, почти столетие назад, в военно-психологической науке сформулирован своеобразный социально-психологический закон, отражающий взаимосвязь между состоянием психологии общества и его армии. Он гласит, что **основной источник морально-психологического состояния воюющей армии находится не внутри ее, а в обществе, интересы которого она защищает**. Сказанное реализует действие еще одной закономерности войны. Она, как показывает изучение, состоит в следующем: **«От того, какой образ потенциального или реального конфликта сложился в общественном сознании и какое место в нем отведено армии, в значительной степени зависит возможность привлечения широких социальных мотивов для побуждения военнослужащих к активным боевым действиям»**. Очевидно, что при отсутствии общественной поддержки военной акции, проявлении антивоенных настроений и попыток возложить вину за возникновение, течение и результаты военного конфликта на армию, возможности возбуждения у личного состава таких мотивов, как патриотизм, конституционный долг, национальные интересы, ненависть к врагу становится весьма проблематичным, а порой и невозможным. Локальные военные конфликты, как правило, не сопровождаются изменением режима жизнедеятельности общества и введением военного положения. В результате не всегда принимаются необходимые дополнительные меры по усилению безопасности населения. Это дает возможность противной стороне для проведения эффективных психологических акций. Так, например, чеченскими специалистами психологических операций были спланированы и проведены акции, оказавшие заметное влияние на ход боевых действий федеральных войск. Среди них можно назвать такие, как: побуждение солдатских матерей к массовому походу в регион ведения боевых действий; распространение слухов о визитах боевиков в семьи военнослужащих; муссирование информации о широком участии в боевых действиях против федеральных войск профессионалов из многих стран мира, профессиональных спортсменов-снайперов; диверсионно-психологические акции в гг. Буденовке и Кизляре. В купе с диверсиями, осуществленными боевиками на железных дорогах, в транспорте и в метро, перечисленные дей-

ствия во многом способствовали усилению антивоенных и антиармейских настроений среди населения.

Таким образом, в социально-психологической сфере локального военного конфликта устойчиво проявляется ряд проблем, которые требуют обязательного учета при организации психологического обеспечения боевых действий. Основными из них являются: 1) **расслоение общества на сторонников, противников военного решения назревших проблем и тех, кто проявляет безразличие к происходящим событиям**; 2) это расслоение не позволяет активно задействовать в интересах боевой мотивации военнослужащих такой мощный фактор, как **социально-психологическое единство общества**; 3) следствием расслоения является то, что некоторые политические силы осуществляют интенсивное информационно-психологическое давление на руководство страны, вооруженных сил и на военнослужащих, участвующих в конфликте; 4) «**сильная**» сторона в военном конфликте, чаще всего, делает упор на силовое разрешение военного конфликта, оказывающееся малоэффективным, упускает рычаги идеологического и психологического влияния на противника и население; 5) «**слабая**» сторона, впитывая амбиции элитных групп, окрашенные этническими, религиозными и другими легко усваиваемыми идеями, оказывается психологически более подготовленной к решительным действиям, сплоченной и целеустремленной; 6) применение военной силы в конфликте оправдано и эффективно лишь в контексте политических, идеологических, экономических и иных мер. То есть «**сильной**» стороне выгоднее вести военный конфликт как войну, а «**слабой**» – как затяжной локальный конфликт.

История войн и военного искусства, опыт боевых действий наших войск свидетельствуют о том, что неправильная тактическая и психологическая оценка противной стороны влекут искажения во всех других психологических составляющих боевой деятельности в локальном военном конфликте (цель, мотивы, средства, способы, состояния). Свидетельством этому может быть сравнение *целей и стратегий* сторон в локальном военном конфликте в Чечне.

«Слабая сторона» преследует, прежде всего, психологические цели, ведущие к ослаблению противостоящих сил. Преимущества ее в том, что она ставит войска противника в непривычные для них условия, принуждает к выполнению несвойственных им функций, применению неосвоенных способов боевых действий. Противники российских войск в Афганистане и Чечне часто использовали тактику действий боевых и диверсионных групп, отличающуюся выраженной деятельностной и психологической спецификой. Например, в Чечне такие группы, как правило, состояли из лиц, связанных тесными родственными и земляческими узами, знающих друг друга с детства, подобранных с учетом боевого и жизненного опыта, действовавших на протяжении всей военной кампании рука об руку. Ведущими мотивами рядовых участников таких групп были: убежденность в правоте своей борьбы, врожденное стремление к свободе, гнев и месть за убитых родственников. Все это обуславливало высокую сплоченность и боевую слаженность боевых формирований.

Среди способов действий противника преобладали засады, налеты, диверсии, поиск, рейд, то есть методы, характерные для войск специального назначения. По оценкам специалистов такие способы вооруженной борьбы в локальном военном конфликте имеют целый ряд существенных преимуществ по сравнению с традиционными. Достаточно сказать хотя бы о том, что эффективность поражения огнем стрелкового оружия в налетах и засадах повышается в 4–7 раз, гранатометов и огнеметов в 16–30 раз, мин и минно-взрывных заграждений в 60–75 раз. Борьба с диверсионными подразделениями требует значительно больше сил и средств, чем ведение боевых действий с равными по численности общевойсковыми подразделениями. Это объясняется тем, что действия таких групп не связаны с удержанием каких-либо объектов, рубежей, районов.

Аналогичное положение наблюдалось и в большинстве других военных конфликтов. Ярким подтверждением этому служит оценка боевых действий израильской армии в ходе военного конфликта в Ливане (1982 г.), данная американскими специалистами. Она гласит: «Местность способствовала обороне, а войска оказались не готовы воевать в городских и горных условиях. Боевые действия показали, что мало внимания уделялось обучению пехоты самостоятельным действиям в пешем строю в течение длительного времени... Несостоятельными оказались тактические приемы, предусматривающие опережающее действие танков. Основную часть тяжести продвижения вперед в горных и городских условиях вынуждены были взять на себя мелкие пехотные подразделения... В ряде случаев оказались неэффективными традиционные способы управления подразделениями в бою». Несоответствие между моделью боевых действий, создаваемой в ходе боевой и психологической подготовки, и боевой реальностью проявляется в пространственно-временных, динамических и иных показателях. Наглядным примером этому может служить применявшаяся афганскими моджахедами тактика боевых действий в дефиле и ущельях. Она сводилась к следующему. По вошедшей в ущелье колонне советских войск с расстояния 2–3 км производилось несколько демонстративных выстрелов. В ответ нашими бойцами открывалась интенсивная и, нередко беспорядочная, стрельба по обозначенным противником позициям. В это время, хорошо замаскированные снайперы противника с небольших расстояний по существу в упор расстреливали наших военнослужащих. В результате среди участников боевых действий в Афганистане длительное время был распространен миф о сверхъестественной меткости моджахедов и сверхъестественных возможностях их оружия. Это, в свою очередь, подрывало веру в свои силы и возможности своего оружия.

Следует отметить, что в тех случаях, когда в боевых действиях принимали участие подразделения специального назначения федеральных войск, применявшие специальную тактику борьбы, положение резко изменялось в их пользу.

Практика боевых действий в локальных военных конфликтах показывает, что условия выполнения боевых упражнений и реальная боевая обстановка существенно различаются в визуальном, моторном, организационно-деятельностном плане. Поле боя в военных событиях такого рода практически пустынно. И главнейшей задачей бойца становится обнаружение противника. Люди перемещаются по опасным участкам на скорости 4–5 м/сек., по сложным траекториям. Время их передвижения от препятствия к препятствию составляет, как правило, не более 5 секунд. К тому же в ходе таких перебежек бойцы ведут интенсивный огонь по противнику и др.

Вследствие несовпадения визуальной и операциональной картины боя с имеющимися у военнослужащих представлениями возникает несколько психологических феноменов. Во-первых, реальный уровень огневого мастерства военнослужащих в бою оказывается настолько низким, что порой не позволяет успешно решать поставленные задачи. Это происходит потому, что военнослужащие не обучены быстрому обнаружению, опознаванию и поражению реальных боевых целей. Во-вторых, на фоне приличного огневого мастерства противника, свои неудачи создают основу для возникновения у участников боевых действий недоверия к собственным способностям и возможностям своего оружия. Изучение боевого опыта войск показывает, что неуверенность в собственных силах закономерно нарастает у военнослужащих еще и в связи с тем, что имеющиеся в их распоряжении оружие и специальные средства часто оказываются малоэффективными в условиях локального военного конфликта. На примере боевых действий в Панаме, Могадишо (Сомали), Сараево (Босния и Герцеговина), Кабуле (Афганистан), Грозном (Чечня) можно предположить, что решающие сражения грядущих военных конфликтов будут происходить в крупных городах. Бой в городе имеет выраженные тактические и психологические особенности. Военнослужащие, действуя в колоннах, постоянно натываются на подбитую противником боевую технику, на трупы своих сослуживцев, боевиков и мирных жителей, наблюдают картину разрушений. В городских условиях регулярные силы утрачивают свое

преимущество в численности, мобильности, огневой мощи и обладании высокотехнологичным оружием. Здесь существенно возрастает роль нетрадиционного (бутылки с горючей смесью, самодельные минно-взрывные устройства и др.) и морально устаревшего оружия (например, РПГ).

Важное место в психологическом анализе специфики боевых действий войск в локальных военных конфликтах занимает их *результат*. Результатом боевой деятельности выступают победа или поражение. Еще в выполненных в начале XX века исследованиях Н.Н. Головина и В.Н. Полянского, показано, что победа и поражение в бою величины психологические. Их предметное содержание составляют не столько захваченные (оставленные) рубежи и районы, физически уничтоженный враг (потери в своих войсках), сколько состояние души, психологическое ощущение наступления этого события, признание себя победителем или побежденным.

Неадекватное представление военнослужащих о потенциальном противнике, тактике его действий и боевых возможностях, незнание социальных, политических и психологических условий боевой деятельности, овладение в процессе боевой подготовки нерелевантными для локальных военных конфликтов приемами и способами действий, несоответствие параметров оружия и боевой техники требованиям боя оказывают негативное влияние на мотивацию, боевую активность, боеспособность и психические состояния личного состава.

§ 3. Характеристика психо-эргономических условий действий войск в локальных военных конфликтах

Психо-эргономические особенности отражают специфику влияния внешних (природно-географических, погодно-климатических, технико-технологических) обстоятельств и режима боевой деятельности (продолжительности, интенсивности, частоты столкновений с противником, используемых средств вооруженной борьбы) на психологическое состояние противоборствующих сторон. Подавляющее число отечественных и зарубежных исследователей среди эргономических факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на боевые действия войск, выделяет: продолжительность пребывания военнослужащего в боевой обстановке, интенсивность боевых действий, фактор изоляции от основных сил, чередование деятельности, отдыха и сна, влияние природно-географических и погодно-климатических условий, приспособленность боевой техники к физиологическим и психологическим свойствам людей. Изучение показывает, что перечисленные факторы в локальных военных конфликтах имеют выраженные особенности.

Существенное отличие состоит, прежде всего, в *продолжительности пребывания военнослужащих в зоне боевых действий и частоте боевых контактов с противником*. Эти характеристики оказывают заметное влияние на процесс боевой адаптации военнослужащих и развития у них боевого стресса и психических расстройств.

Наиболее полное исследование зависимости боевой адаптации и динамики психологических возможностей военнослужащих, в зависимости от времени их пребывания на передовой в условиях непосредственного контакта с противником, мы находим у Е. Динтера и Р.А. Габриэля.

Немецкий исследователь Е. Динтер выявил своеобразную закономерность, гласящую, что процесс адаптации к боевым действиям длится примерно 15–25 суток, к истечению которых военнослужащий достигает пика морально-психологических возможностей. После 30–40 суток непрерывного пребывания в непосредственном соприкосновении с противником, по данным исследователя, наступает их быстрый спад, связанный с истощением духовных и физических сил. Исходя из этого, Е. Динтер считает, что пребывание воинов на передовой не должно превышать более 40 суток.

Р.А. Габриэль описывает процесс приспособления военнослужащих к боевой обстановке в виде поэтапного нарастания у них боевой усталости и утраты боеспособности. Автор выделяет четыре таких этапа. На первом этапе воины, попавшие в боевую обстановку, испытывают перевозбуждение, страх, утрату боевых навыков. Симптомами то угасающего, то вновь обостряющегося страха являются увеличивающаяся частота мочеотделения, понос, острые приступы жажды, отказ от пищи, вплоть до анорексии – отсутствия аппетита, когда пища не усваивается, а извергается из желудка при рвоте. В случаях усиления опасности у воинов отмечаются повышенное потоотделение, нарушение координации движений, сильное дрожание конечностей и всего тела. Заметно снижается желание к общению с сослуживцами. Другими словами, резко усиливающиеся физиологические функции организма затрудняют воину возможность действовать. Этап обычно длится 5–7 дней. За это время значительное число военнослужащих подвергается воздействию боевого шока. Те из них, кто остаются в строю, приобретают уверенность в себе, в своем оружии, в товарищах, приобретают боевой опыт.

На втором этапе физиологические функции в меньшей мере влияют на поведение воинов в бою. В его временных рамках (до двух недель) отмечается пик боевых возможностей личного состава.

По истечении трех недель непрерывного пребывания на передовой начинается четвертый этап – процесс интенсивного нарастания боевого истощения. Солдаты утомляются даже

после незначительной физической или психической нагрузки, теряют способность полноценно спать особенно в ночное время. Некоторые из них оказываются неспособными четко ориентироваться в боевой обстановке. К примеру, не отличают огонь своих войск от огня противника, приближающиеся разрывы снарядов от удаляющихся. Как общая тенденция отмечается нарастание агрессивности, злобы, чрезмерной осторожности. Четвертый этап пребывания на переднем крае (после тридцати суток участия в боевых действиях) характеризуется появлением чувства беспомощности и безнадежности, навязчивых представлений о собственной гибели или ранении. У военнослужащих развивается апатия, ослабевают память, ухудшаются качества внимания, регрессируют боевые навыки. Сознание практически полностью занято мыслями о доме и фатальной уверенностью в своей смерти. Даже самые опасные события не могут вывести воинов из состояния апатии.

Р.А. Габриэль завершает подробное исследование данного вопроса следующим выводом. Если после 45 суток непрерывного пребывания на поле боя военнослужащие не будут отправлены в тыл, они по своим психофизиологическим возможностям окажутся небоеспособными. Аналогичных позиций придерживаются американские психиатры Р. Свонк и У. Маршан. По их мнению, у 98 % военнослужащих, непрерывно участвующих в боевых действиях в течение 35 суток возникают те или иные психические расстройства.

Американские специалисты специально изучали зависимость боеспособности личного состава от продолжительности сна. Результаты исследования представлены в табл. 1.

Таблица 1

Зависимость боеспособности военнослужащих от продолжительности сна

Продолжительность сна в часах в сутки	Состояние боеспособности личного состава
0 часов	Сохраняется боеспособность к выполнению боевых задач в течение трех дней. На четвертый день весь личный состав выходит из строя.
1,5 часа	50% боеспособности военнослужащих сохраняется в течение 6 дней. К 7 дню из строя выходит 50% личного состава
3 часа	91% боеспособности воинов сохраняется свыше 9 дней

Американский военный специалист Б. Повер, подчеркивая, что умеренный сон помогает лучше преодолевать боевой стресс, указывает на его минимальную ежедневную продолжительность: 4 часа для солдат и 6 часов для командиров. Отмечается, что у командира, принимающего решения, недостаток во сне скорее провоцирует развитие боевой усталости. Таким образом, *контроль за качеством сна воинов является важным средством сохранения боеспособности личного состава и, следовательно, задачей медико-психологического обеспечения боевых действий.*

Другой важной составляющей эргономических условий боевой деятельности войск в локальном военном конфликте является ее интенсивность.

Интенсивность боевых действий является важнейшим показателем их стрессогенности – способности вызывать у участников боевой травматический стресс. В исследованиях Г.Л. Беленкина, Ш. Ноя, З. Соломона показано, что, в зависимости от выраженности этого показателя уровень психической травматизации («боевая психическая травма») может колебаться от 0 до 86 пунктов и составлять по отношению к физическим потерям значения от 0:100 до 86:100.

Боевой опыт указывает на наличие весьма важной тенденции: *отсутствие действенной медико-психологической помощи воинам в боевой обстановке, как правило, сопровождаются большим объемом посттравматических стрессовых расстройств.* Так, по оценкам американских специалистов, число ветеранов вьетнамской войны с отсроченным травматическим стрес-

сом составило от 500 000 до 1500 000 человек. По данным российских психологов порядка 25 % участников военных событий в Чечне имеет симптоматику аналогичных расстройств и нуждается в психологической реабилитации. Отсюда следует сделать вывод: **низкий уровень психологических потерь войск в локальном военном конфликте не должен вести к снижению интенсивности и масштабов медико-психологической помощи и реабилитации военнослужащих.**

К числу эргономических аспектов боевых действий следует отнести и *степень изолированности* действующих на поле боя соединений и частей от основных сил. Опыт показывает, что боевые возможности изолированного от своих войск подразделения снижается на половину в течение 48 часов из-за усиливающегося страха.

Необходимо отметить, что эргономические обстоятельства боевой деятельности войск в локальных военных конфликтах накладывают заметный отпечаток на ее психологические компоненты. В первую очередь, влиянию эргономических факторов подвергаются психические состояния, интеллектуальные процессы, уровень боеспособности и активности. Заметным изменениям под их воздействием может подвергаться мотивационная сфера участников боевых событий. В силу этого *формирование и поддержание приемлемых для воинов психо-эргономических условий боевых действий составляет важную задачу их медико-психологического обеспечения. Они также обязательно должны присутствовать в виде соответствующих коэффициентов при расчете соотношения психологических возможностей противоборствующих сторон.*

§ 4. Медико-психологическое обеспечение деятельности военной разведки

Военная психология во многих странах мира ставит перед собой задачу психологически обеспечить деятельность военных разведок. Она конкретизируется в ряде следующих частных задач:

- разработка тестовых систем для оценки психологических качеств кандидатов в разведчики;
- психологический отбор кандидатов в разведслужбы и оценка их лояльности в ходе службы;
- психологическая подготовка разведчиков;
- психологическое обеспечение специальной подготовки сотрудников спецслужб;
- психологическая реабилитация разведчиков, переживших травматические ситуации;
- психологические аспекты вербовки агентов и др.

Разведывательная работа, по существу, работа психологическая. Она во многом сводится к противоборству интеллекта, внимания, памяти, смекалки, воли, выдержки, веры в свои силы и т. д. Известный американский разведчик Э. М. Захариас подчеркивал, что «психология играет выдающуюся роль. Она позволяет нам замечать и понимать характерные особенности тех, с кем мы имеем дело...».

Эффективность деятельности военных разведчиков в большой степени зависит от их личностных качеств, определяющих в целом их профессиональную надежность. В этой связи специалисты спецслужб обращаются с заказом к военно-психологической науке на разработку тестов, аппаратных и других средств отбора и оценки лояльности кандидатов и действующих разведчиков и агентов. К примеру, в США в этой сфере трудился известный психолог, автор Тематического апперцептивного теста (ТАТ) Генри

Мюррей. Основные усилия психологов, по его мнению, должны направляться на то, чтобы исключить из контингента разведчиков душевнобольных, а также людей раздражительных, медлительных, ленивых, плохих актеров и болтунов, и на то, чтобы оценить способность человека выдерживать оказываемое на него давление, быть лидером, его устойчивость к спиртному, способность умело лгать и определять характер людей по внешним проявлениям.

Штатный психолог ЦРУ Джон Гиттингер создал для оценки психологической надежности сотрудников отдела стратегических служб специальный тест системной оценки личности (СОЛ), который позже распространился во многих профессиональных сферах. Дж. Гиттингер писал, что его система позволяет определять основные расхождения между тем, как личность воспринимается, и тем, что в действительности она собой представляет, т. е. расхождения, которые создают напряжение, конфликт и беспокойство. Вопреки академической психологии, Геттинген рассматривал человека с помощью субтестов теста на интеллект Векслера, выявляя его слабости, и показывая способы его превращения в шпиона ЦРУ. После того как шеф Гиттингера Сид Готтлиб и другие высокопоставленные руководители ЦРУ поняли, как можно использовать систему оценки личности, чтобы помочь оперативникам манипулировать агентами, они предоставили психологу время и деньги для усовершенствования этой системы под эгидой «Общества экологии человека». Дэвид Сондерс из Службы обучения тестированию, в компании, которая готовила экзаменационные вопросы для колледжей, нашел корреляцию между паттернами мозга (ЕЕО) и цифровыми результатами в тестах, что использовалась в других странах, поскольку Гиттингер и его коллеги понимали, что система подтестов Векслера культурально зависима. Сочетая аналитические методы с использованием разведывательных данных, составители оценок пытались дать высокопоставленным лицам в США представление о том, что движет основными фигурами международной политики. Один из психологических

портретов Фердинанда Маркоса позволил установить, что колоссальное личное обогащение филиппинского президента явилось естественным результатом традиций его страны, заключавшихся в том, что на первое место там ставится лояльность к своей семье и друзьям. Составители оценок из ЦРУ нашли, что шах Ирана был мегаломаньяком, проблемы которого были порождены властным отцом, унижением, связанным с тем, что ему пришлось быть марионеточным правителем, а также неспособностью в течение многих лет родить наследника мужского пола.

Психологи считают, что разведчика в ряду прочих должны отличать следующие личностные качества: феноменальная память, внимание к деталям, способность к языкам, знание практической психологии, храбрость, знание города и района действий, правовые знания, способность к перевоплощению, наблюдательность, знание приемов единоборств.

В США агенты, попавшие под подозрение, подвергаются тщательному тестированию с использованием полиграфа, фармакологических препаратов, гипноза и др. Для этого, как правило, создаются специальные группы, включающие психиатра, специалиста по полиграфу (детектору лжи), обученного гипнозу, и техника.

В последнее время органы разведки идут по пути создания собственных психологических служб. Перечень задач, решаемых военной психологией, постоянно расширяется. Например, ей не безразличны вопросы, связанные с парапсихологическими феноменами. Во многих странах мира периодически возобновляется исследование таких явлений, как телепатия (бесконтактная передача и восприятие мыслей и состояний между людьми), кожно-оптическое зрение (видение с помощью кожных покровов различных частей тела), ретроспекция (способность видеть прошедшие события), психометрия (получение информации о человеке по принадлежащему ему предмету), телекинез (мысленное воздействие на окружающие предметы), левитация (парение тела в воздухе без посторонней помощи), лозоходство (поиск объектов под землей с помощью лозы или специальных рамок), дистанционное воздействие (суггестологическое внушение). Исследованием паранормальных явлений с разными задачами занимались Г.Айзенк, Н.П.Бехтерева, А.Н.Леонтьев, К.-Г.Юнг и другие.

Сама возможность паранормальных явлений не исключается современными теориями живой и неживой природы. Например, теорией голографического строения Вселенной, фотонной теорией и др. Однако исследования в этой области нередко являются спекулятивными, рассматриваются в качестве способа получения выгодных заказов, отличаются низкой результативностью. Возможно, дальнейшее развитие науки позволит открыть тайны некоторых необъяснимых сегодня явлений.

Исследования военных психологов в рассматриваемой сфере позволяют констатировать, что есть люди (чаще это смешанные типы по классификации И.П.Павлова), которые обладают более выраженными интуитивными способностями, склонностью к предугадыванию событий, способностью тоньше чувствовать изменение свойств среды.

Таким образом, медико-психологическое обеспечение специальных операций и её важнейшей составляющей военной разведки – это область специального научного знания и практики, нацеленная на исследование психологических особенностей совместной боевой деятельности военнослужащих и обоснование методов обеспечения ее эффективности.

Рекомендованная литература

1. Караяни А.Г. Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей сухопутных войск в локальных военных конфликтах. – М.: ВУ, 1998. – 194 с.; С. 62–109.
2. Решетников М.М. Психология войны: от локальной до ядерной. Прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей. – СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2011. – 480 с.
3. Захариас Э. М. Секретные миссии. – М.: Воениздат, 1959.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.